

ОБРАЗ МАТЕРИ В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

А.И. Кривоносова

Тверской государственной университет, Тверь

В статье исследуется образ матери в литературе XX века при помощи детали как инструмента усмотрения диалога между произведениями и актуализатора психологического потенциала. Художественная деталь создает прецедентный прием, функционируя и объединяя тексты. Примером послужили произведения Тони Моррисон (*The Bluest Eye*), Ж. Уилсон (*My Sister Jodie*) и К. Нёстлигер (*Ilse Janda, 14 oder Die Ilse ist weg*).

Ключевые слова: интерпретация, интертекстуальность, прецедентный текст, психологизм, художественная деталь, художественная литература

Образ матери всегда был в фокусе внимания литературных произведений на протяжении всей истории: от Ветхого Завета до трагедий Шекспира, от готических романов Викторианской эпохи до постмодерна наших дней.

Еще с библейских текстов настоящая мать выступает образцом чистой любви и самопожертвования во благо своего дитя в одной из притч о царе Соломоне. В античной литературе образ матери более трагичен и жесток: Медея Эврипида убивает своих детей из мести к своему мужу Ясону, бросившему ее ради принцессы. Эсхил создает образ Клитеместры, которая убивает мужа, узнав о том, что он принес в жертву богам их дочь. Шекспир рисует новый образ «заменяющей» матери: всем знакома заботливая и поддерживающая кормилица Джульетты. Напротив, биологические «матери» автора чаще всего доминантны, рассеяны, эксцентричны или жестоки (Гертруда, леди Макбет). Как и автор романов нравов, английская писательница Дж. Остин в своей, наверное, самой известной работе «Гордость и предубеждение» описывает Миссис Беннет как наивную, глуповатую и некомпетентную женщину [Salwak 2018].

В оппозиции выступают образцовые во всех смыслах матери, такие как эмоциональная, открытая и любящая Марилла Катберт из произведения А. Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» или неутомимая и неизменно добрая Миссис Марч из «Маленьких женщин» Л.М. Алькуот [Salwak 2018].

Аналогичная ситуация происходит и в русской литературе, где образ матери в устном народном творчестве приобрёл черты хранительницы очага, работающей и верной жены, защитницы детей и неизменной радетьельницы за всех обездоленных, оскорблённых и обиженных. Образ матери становится одним из главных в русской литературе уже в XIX веке, воспеваясь такими авторами как С. Есенин, Н. Некрасов, А. Ахматова [Зарькова 2011].

Традиционно образ матери зачастую приобретает положительную коннотацию, особенно в закрытых текстах, предназначенных для абстрактных, образцовых читателей, дабы не нарушить привычный и устоявшийся порядок вещей в той или иной культуре. Но XX век и эпоха модерна вносит свои коррективы. Появление первого структурированного психоанализа З. Фрейда и развитие психологии в целом находят свое отражение в творчестве

модернистских и постмодернистских писателей. Авторам интересно заглянуть в подсознание, исследовать внутренний конфликт, изобразить экзистенциальный кризис, «поиграть» с персонажами, надевая их комплексы и фобии. Заново происходит переосмысление античных трагедий. Появляются неизвестные ранее техники: поток сознания и внутренний монолог.

Рассмотрим образ матери, используя художественную деталь как необходимый инструмент при интерпретации текста и распределения смыслов. Соответственно, материалом для исследования образа матери выступили тексты Тони Моррисон (*The Bluest Eye*), Ж. Уилсон (*My Sister Jodie*) и К. Нёстлигер (*Ilse Janda, 14 oder Die Ilse ist weg*).

Художественная деталь очень богата своим разнообразием. Она рассматривается и с точки зрения когнитивистики, и как средство создания образа, и феномена прецедентности. Она может быть символическая, цветовая, звуковая, кинетическая и проч. С помощью детали авторы могут создать яркий мир контекста, дать возможность читателю охватить все, что невозможно донести эксплицитно.

Деталь не статична и подвержена изменениям, стремясь к имплицитности глубинного смысла. Это очень важно при интерпретации психологических текстов, так как схожие понятия проявляются именно в имплицитных деталях, как внутренних (мысли и чувства героев), так и внешних (слова, поступки).

Говоря о психологизме понятия, стоит обратиться к более современному и неоднозначному образу матери. Её влияние велико и свидетельствуют не только о чувствах любви и благодарности, они являются также выражением экзистенциальных конфликтов человека. Особенно интересны для психологов взаимоотношения матери и дочери (Х. Дойч, А. Фрейд и М. Кляйн и др.) Хелена Дойч, подробно изучавшая проблему отношений между матерью и дочерью, анализирует весьма распространенное среди психоаналитиков мнение о том, что детское отношение девочки к матери выливается в ненависть, а последующая привязанность к матери является в основном гиперкомпенсацией этого чувства ненависти. [Шоре 2009]. Несомненно, некоторые черты в образах персонажей отразились в литературе XX – начала XXI века.

Фигура матери присутствует практически везде в литературе, особенно в текстах женщин авторов. В работе «*The Mother/Daughter Plot*» Марианна Хирш [Hirsch 1989] представляет образ матери как сложное явление наполненное противоречиями, а отношения матери-дочери находит исключительно амбивалентным. Дочери, пытаясь обрести саму себя, реализуют свой жизненный путь, проходя постоянные колебания симбиоза и разделения в отношениях с матерью. Исследовательницу Дж. Рай удивляет тот факт, что только несколько из рассматриваемых ею текстов рассказаны с позиции самой матери. Всепоглощающий образ матери представлен как объект для дискурса других персонажей, нежели являясь субъектом самой матери и рассматриваясь

с ее собственной перспективы. В своей статье она так же замечает, что современные писательницы не обделяют вниманием повествование матери обращённой на саму себя и рефлектирующей о своём осознании материнства, его значимости и отношении к нему. Заметим, что по её мнению это не отменяет предстоящую работу исследователей по анализу большого пласта материала на эту тему (цит. по [Rye 2006]).

Несомненно, литературная мать – это универсальная фигура, но не стоит забывать, что литературный образ матери формируется через специфический культурный и исторический контекст, наряду с индивидуальными отношениями и физическим формированием. Несмотря на амбивалентность отношений матери и дочери, исход конфликта необязательно несёт в себе отрицательный результат. Хотя множество конфликтных ситуаций между двумя субъектами появляются по причине существующего кризиса у дочери или ее отдаления от матери, но так же и большое количество текстов описывает положительное отношение к материнскому наследию, взаимоотношению нескольких поколений женщин, матерей и «заменяющих» матерей образов (кормилиц, нянь, тётушек) (цит. по [Rye 2006]).

Все представленные для анализа произведения в нашей статье объединены одной общей чертой, а точнее описанием непростых взаимоотношений матери и дочерей. Неизменно старшая описывается как сильная личность или бунтарка, а младшая имеет более скромный характер и очень привязана к сестре, которая является для нее лучшей подругой и примером для подражания. Материнский образ стоит в оппозиции. Для старшей дочери мать выступает врагом и причиной всех ее проблем, тогда как младшая сестра находится в незавидном положении между двух подавляющих ее женских образов: с одной стороны мать, которой она не смеет перечить, с другой обожаемая сестра, которую она боится разочаровать.

Моррисон, Уилсон и Нёстлигер принадлежат к трём разным культурам, что, несомненно, накладывает отпечаток на их работы, но художественные детали объединяют их, создавая прецедентный текст, возникающий на основе интертекстуальности и рассматривающийся как культурно-значимая модель. Основные 3 типа детали, которые реципиент может распознать в заявленных текстах:

- **Изобразительные и характерологические** детали, помогающие в создании зрительного образа персонажа.
- **Имплицитные** – создающие ощущение достоверности в диалогах между героями [Кухаренко 1979].

Рассмотрим детали присутствующие в поведении и речи матерей. Деталими и выраженными ими стилистическими приемами представлено напряжение, недовольство и агрессия (инверсия, эмфаза, слова с яркой негативной коннотацией и повелительное наклонение усиливают эффект при создании образа):

'Stop winding me up, you contrary little whatsit'»; «She was very strict about table manners. She was forever nagging Jodie about sitting straight...Mum took hold of her by the shoulders and gave her a good shaking»; «'Now, don't start coping your sister, miss! Shame on you, Jodie, you are a bad example...I can't believe how badly you behave nowadays.' [Wilson 2008].

«Adults do not talk to us – they give us directions. They issue orders without providing information...When we catch colds, they shake their heads in disgust at our lack of consideration»; «How many times do I have to tell you to wear something on your head? You must be the biggest fool in this town»; «“What did you puke on the bed clothes for? Don't you have sense enough to hold your head out the bed? Now, look what you did. You think I got time for nothing but washing up your puke?”»; «She is not talking to me. She is talking to the puke, but she is calling it my name: Claudia»; «Mama grabbed Frieda by the shoulder, turned her around, and gave her three or four stinging cuts on her legs. “Gonna be nasty, huh? Naw you ain't!” [Morrison, 2007].

«„Lass das Kind los“, hat die Mama gekeucht. „Nein, ich bring sie um!“, hat die Ilse gefaucht. Dann hat die Mama auf die Ilse ingeschlagen... Sie hat die Ilse auch an den Haaren gerissen. Zum Schluss hat sie die Ilse auf das Bett gestoßen» [Nöstlinger 1991]

Схожие детали представлены авторами при описании старших дочерей-подростков (интересно, что авторитарность матери отчасти передается и им) и беспокойного, преданного образа их младших сестёр:

(1) Младшая сестра: «Jodie. It was the first word I ever said...Maybe everyone names the thing they love best»; «'No, Mum!' I said, my voice a little squeak... 'Don't send Jodie away!'» «I thought Jodie looked wonderful».

Старшая сестра: «She was a harem-scarem little girl who twisted off her dolls' heads... but she was incredibly careful with me»; «She had started to have a lot of arguments with our mother. She often called her a witch – or worse...»; «...she'd dyed her hair a dark orangy-red...Mum always said no, so last year Jodie went off and got her ears pierced herself» [Wilson, 2008].

(2) Младшая сестра: «I trudge off to bed, full of guilt and self-pity... No one speaks to me or asks how I feel»; «My mother's anger humiliates me; her words chafe my cheeks, and I am crying. I do not know that she is not angry at me, but at my sickness. I believe she despises my weakness»; «We began to shriek. “No, Mama. No, ma'am. We wasn't! She's a liar! No, ma'am, Mama! No, ma'am, Mama!”».

Старшая сестра: «My sister comes in. Her eyes are full of sorrow. She sings to me: “When the deep purple falls over sleepy garden walls, someone thinks of me...”»; «“You don't have to, dummy. Look. Wait here. Sit down, Pecola. Right here.” Frieda was all authority and zest. “And you,” she said to me, “you go get some water.” [Morrison, 2007].

(3) Младшая сестра: «Ich wollte die Ilse beruhigen» «Ilse schreiben will, muss ich zuerst beschreiben, wie die Ilse aussieht. Denn das ist wichtig. Die Ilse ist schön. Es gibt nichts an ihr, was nicht schön ist! Sie hat sehr viele, sehr dunkelbraune Haare... Es ist so: Die Ilse hat etwas, was die anderen nicht haben!

Старшая сестра: «Die Ilse saß neben der Mama, als die Mama das lachend erzählte. Die Ilse bekam ganz schmale Augen. Sie kann, wenn sie böse wird, wie eine

Katze schauen. Doch die Mama merkte nicht, dass die Ilse den Katzenblick hatte»; «Die Mama sah ihr erstaunt nach und der Besuch sagte, Mädchen in einem gewissen Alter seien eben schwierig»; «Sie sagte, die Mama geht ihr auf die Nerven» [Nöstlinger 1991].

The Bluest Eye, вне всякого сомнения, глубокое, трагичное произведение, затрагивающее ряд социальных проблем и предназначенное для более опытного реципиента. Но даже в литературе для подростков Ж.Уилсон и К. Нёстлигер откровенно присутствует доминирующий образ матери, где благодаря деталям, но что главное – это их разнообразию, мы можем не только уловить схожесть произведений, но и выстроить в сознании яркие психологические образы, характерные для своей эпохи. Прецедентный универсальный прием, сформированный деталью, позволяет провести мостики между текстами для более тщательного изучения представленного образа. Литературные матери независимо от того, какими бы их не описывали авторы всегда останутся незабываемыми образами. «Плохие» станут частью историй о тёмных глубинах человеческого подсознания, «хорошие» воплощением искренней любви.

ЛИТЕРАТУРА

Варлакова Е.А. Варлакова Е.А. Художественная деталь как средство создания образа персонажа в различных типах детективного текста // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 3. С. 66–69.

Зарькова В. М. Образ матери в русской литературе [Электронный ресурс] / В. М. Зарькова. Режим доступа: <http://открытыйурок.рф/статьи/600434/> (Дата обращения: 21.12.18)

Роде-Даксер К. Образ матери в психоанализе [Электронный ресурс] / К. Роде-Даксер. Режим доступа: https://uchebniki-besplatno.com/gendernaya-sotsiologiya_1181/krista-rode-dakser-obraz-materi-32889.html (Дата обращения: 21.12.18)

Коробко Л.В. Имя Людвиг Ван Бетховина как прецедентная единица в романе Э. Берджесса «Заводной апельсин» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. №1. С. 169–177.

Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Л.: Просвещение, Ленингр. отд., 1979. 327 с.

Шоре Э., Хайдер К., Зверева Г. (ред.) Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования М.: РГГУ, 2009. — 530 с.

Hirsch, Marianne (1989) *The Mother/Daughter Plot: Narrative, Psychoanalysis, Feminism* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press).

Rye G. Maternal genealogies: the figure of the mother in/and literature. *The Journal of Romance Studies* 6(3): 117–126, November 2006 [Электронный ресурс] / G. Rye – Режим доступа: https://sas-space.sas.ac.uk/3112/1/Rye_-_Journal_of_Romance_Studies_v6_n3.pdf (Дата обращения: 21.12.18)

Salwak D. Motherhood in Literature, author of Writers and Their Mothers [Электронный ресурс] / D. Salwak Режим доступа: <https://www.palgrave.com/gp/book/9783319683478> (Дата обращения: 21.12.18)

Morrison T. The Bluest Eye [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://memberfiles.freewebs.com/36/26/43092636/documents/Bluest%20Eye,%20The%20-%20Toni%20Morrison.pdf> (Дата обращения: 21.12.18)

Nöstliger K. Ilse Janda, 14 oder Die Ilse ist weg [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://calameo-download.tiny-tools.com/pages.php?doc_id=001877731797560125693 (Дата обращения: 21.12.18)

Wilson J. My Sister Jodie. A Doubleday Book. A Random House Group Company. p. 400

IMAGE OF MOTHER IN THE XX CENTURY LITERATURE

A.I. Krivonosova

Tver State University, Tver

The paper is aimed at showing the image of Mother in literature of the XX century. A literary detail is presented as a tool for the text dialogue demonstration and the psychological potential indication. Details function as a universal device, assigning references to other texts. The material was taken from novels by Tony Morrison (The Bluest Eye), J. Wilson (My Sister Jodie) and K. Nöstliger (Die Ilse ist Weg).

Keywords: literary detail, interpretation, fiction, intertextuality, psychologism

Об авторе:

КРИВОНОСОВА Александра Игоревна, аспирант кафедры английского языка Тверского государственного университета; e-mail: alekr88@mail.ru